

Евгения
Иванова«ИЗОЛЯЦИЯ: МЕЧТЫ ЗА
РЕШЕТКОЙ»: КАЛЕНДАРЬ-2012
ГРАЖДАНСКОЙ КАМПАНИИ
«НАШ ДОМ»

Когда пытаешься говорить о проблемах гендерного неравенства или дискриминации женщин в современной Беларуси, в ответ очень часто слышишь примерно два типа суждений:

1. В Беларуси уже давно полное равенство между полами: женщин никто не заставляет носить паранджу или сидеть дома, как в каких-то мусульманских странах, они работают, никто не ограничивает их в возможности учиться. Даже наоборот, уровень образования женщин в Беларуси гораздо выше уровня образования мужчин. Более того, женщины живут дольше мужчин, а уходят на пенсию раньше. В армию им идти не нужно, к смертной казни их не приговаривают и детей (почти) всегда оставляют при разводе женщинам. Ну, о каком неравенстве, дискриминации или депривации по признаку пола можно говорить?! Уж если речь и идет о неравенстве, то дискриминируемой группой являются мужчины и заботиться нужно об их правах.
2. Беларусь сложно назвать демократическим государством. Соблюдение прав человека здесь, особенно, когда дело касается гражданских и политических свобод, — это всеобщая и гендерно-нейтральная проблема. Другими словами, всем плохо: и мужчинам, и женщинам. Поэтому, прежде всего, нужно добиться демократии, а потом думать про права женщин и прочее. Думать про женщин раньше — неправильно и недальновидно. А то, что в процессе борьбы за демократию проявляются сексизм, эйджизм, расизм,

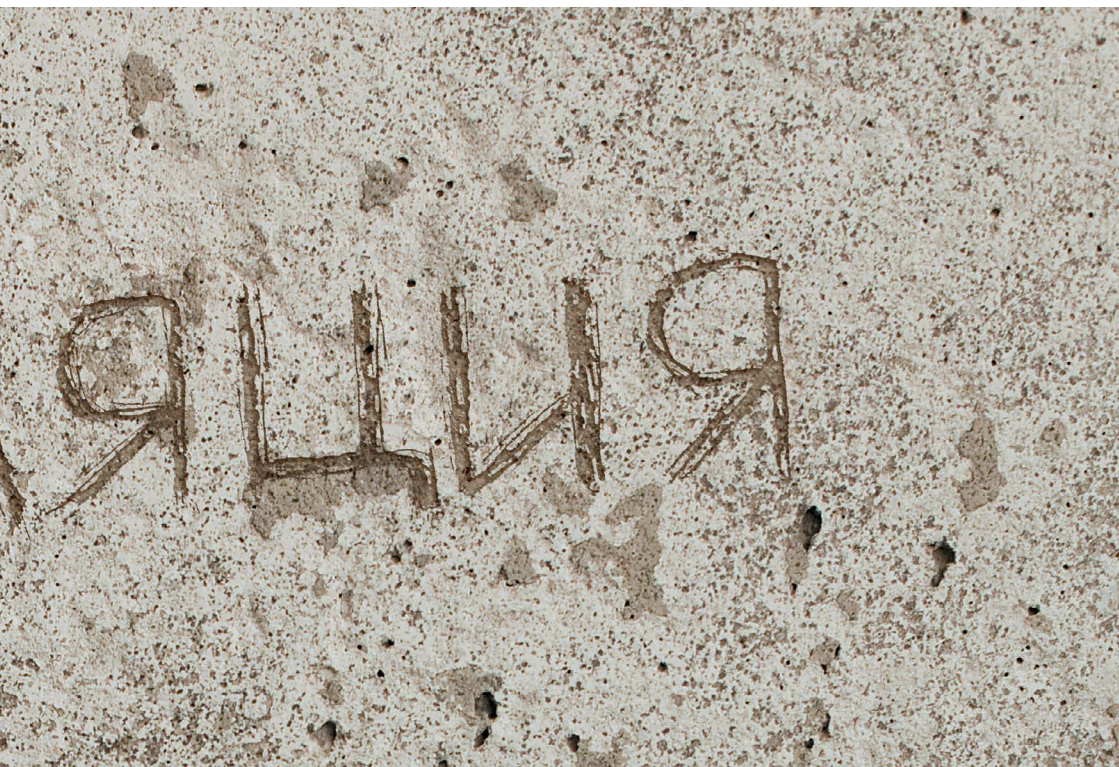
ксенофобия и гомофобия, так это... или время такое сложное, или так и должно быть, потому что не всем и всему есть место в «правильном» демократическом сообществе, которое мы строим.

Я не буду говорить о том, что вопрос о «парандже» не такой уж беспредметный и безобидный в наших реалиях, (вспомним, к примеру, как у нас должны одеваться православные женщины, активно выполняющие предписания своей религиозной конфессии). Предлагаю задуматься о той роли, которую играют родители, мужья, коллеги, в определении «подобающей» одежды для их дочерей, жен и сотрудниц. С этим также связана риторика «ненадлежащей» одежды в случаях изнасилований, когда проблема, на самом деле, заключается в недопустимом поведении насильников, — это тоже отдельная тема. Равно как и выходить на пенсию раньше нравится далеко не всем женщинам, поскольку материальное положение, которое сопутствует пенсионному периоду, называется бедностью.

А это, вероятно, не то, о чем большинство людей мечтает в качестве результата своей жизни. Оставлю в стороне и разговор о том, что оставление детей, хоть и любимых, матерям после развода, не предусматривающее надлежащей помощи в воспитании и обеспечении, значительно снижает качество жизни этих женщин: ставит их в незавидное экономическое положение и не оставляет ни на что другое ни сил, ни времени. И, если честно, обязательная армия в таком виде, в каком она сейчас существует в Беларуси, как и смертная казнь, мне не кажутся теми институтами, которые должны существовать в отношении кого бы то ни было: ни мужчин, ни женщин. Я даже не стану упоминать, казалось бы, очевидное: игнорирование интересов или проблем большей части населения приведет к чему угодно, но точно не к демократии.

Я хочу начать разговор о другом: о депривации (социальной, политической, культурной), когда женский опыт — вторичен, а политическое высказывание с других позиций и на другие

темы — не замечается. Депривация связана с неравенством и дискриминацией, но ее сложнее формализовать, доказать и защитить нормами права. Зато депривацию очень просто почувствовать. Ее также можно озвучить и можно бросить вызов. Этот текст о таком проекте, который задает, на первый взгляд, банальные, но на самом деле фундаментальные вопросы, тем самым бросая вызов вторичности женского опыта, политического высказывания и участия в политически значимых процессах.

В 2011 г. в рамках Гражданской кампании «Наш Дом» группа активисток создала календарь «Изоляция: мечты за решеткой»¹, где рассказала о трудностях, с которыми сталкиваются белорусские заключенные, в частности политические заключенные, а если быть точнее — женщины политические заключенные. Двенадцать молодых женщин в возрасте от 20 до 30 лет — студентки, журналистки, веб-дизайнеры, психологи, библиотекари, фотографы, геологи, художницы — не были знакомы друг с другом до того момента, как оказались в одной камере в одном из столичных изоляторов временного содержания. Впрочем, у них было много общего. Причиной их «встречи» послужило их участие в акциях протеста после Президентских выборов 2010 г.², именно из-за этого женщины были наказаны административным арестом. Всего в этом изоляторе тогда отбывали свое политическое наказание больше ста женщин, участвовавших в послевыборных митингах.

Изолятор временного содержания стал местом, где рождаются настоящие мечты. Сначала в мечты «превратились» обыденные вещи, такие как:

Еда

«Голод чувствуешь постоянно. Передавать нам еду с воли нельзя. А тюремная пайка — это унижение, а не пища. В погнутой алюминиевой миске жидкость со следами морковки. И сколько хочешь кислого хлеба. Такая еда не для людей». (Оля, студентка, 23 года)

1 Календарь-2012 «Изоляция: мечты за решеткой», Смоленск: ООО Издательский Дом «Зубр», 2011. www.issuu.com/nash.dom/docs/calendar2012 (последняя дата посещения 15.12.2013).

2 www.theguardian.com/world/2010/dec/21/600-charged-belarus-protests-lukashenko

Дневной свет

«Целые сутки в камере одинаково тускло горит лампочка. Света извне не поступает. Ты как будто в подводной лодке или под землей, ты понятия не имеешь, который час. Только после очередной поверки зачеркиваешь у себя в голове еще один день». (Света, психолог, 25 лет)

Тепло

«Из оконных щелей постоянно дул ветер. Тюремные одеяла, от которых несло псиной, мало спасали. В такой собачий холод, что был в нашей камере, невыносимо хотелось чего-то теплого и домашнего — кота!». (Лена, библиотекарь, 30 лет)

Постель

«Сон — защитная реакция на реальность. Мы спали по 12-16 часов в сутки. Десять девчонок вверху на подиуме — это деревянный настил шириной 3 метра. Лежали боком, в куртках, прижимаясь друг к другу. Две, которым не хватило места, спали на полу в обнимку». (Оля, веб-дизайнер, 21 год)

Возможность быть на свежем воздухе, гулять

«На 12 метров 12 человек. Пройтись можешь только к параше, через кого-то переступая. От спанья на полу тело костенело. Прогулка раз в день. Полчаса под небом в клеточку, там бегали по кругу и залазили на сугроб, пытались увидеть, в какой стороне дом». (Аля, студентка, 20 лет)

**Иметь личное пространство, не выставленное на
всеобщее обозрение и закрытое для вторжения.
Не чувствовать себя униженной**

«Между судом и камерой — личный досмотр. Заставляют вытрясти сумочку, снять трусы, ощупывают. А потом отнимают твой лифчик. И так обидно, что без дозвола нарушают твои личные границы. Как будто в детстве: соседский мальчишка вдруг узнал о твоём секрете и рассказал о нём всем вокруг». (Настя, менеджер, 23 года)

«Параша. Первое время к ней никто не подходил, все стеснялись, а потому терпели. Потом начали подшучивать, а

потом свыклись. Свыклись и с ощущением тревоги: вот-вот откроется дверь. Войдет охранник и увидит тебя без штанов». (Оля, геолог, 25 лет)

Ощущение чистоты и возможность мыться

«В душ нас повели через 7 дней. Но и после него ты не чувствуешь себя чистой. У изолятора свой липкий запах — сырость, сигареты, прелое тело и кислая капуста. И через год в вещах оттуда можно унюхать эту дикую смесь». (Аня, художница, 24 года)

Иметь возможность заботиться о своем здоровье и внешности

«На пятый день забываешь, как выглядит твое лицо. За решеткой нет зеркал. Ты не видишь своей раздраженной из-за холода кожи. Ты не видишь слипшихся волос, губ в трещинах, красных глаз. Ты не видишь себя и слава богу — иначе было бы больнее». (Таня, журналистка, 26 лет)

Возможность знать, что происходит

«Сутки напролет в камере ничего не происходит. Вокруг информационный вакуум. Но знать, что там, в нормальной жизни, очень хочется. Радует любая весточка воли — записке внутри рулона туалетной бумаги или парочке слов поддержки из носка». (Настя, маркетолог, 25 лет)

Быть с родными и близкими

«Разлука с близкими и любимыми — как бесконечная ломка. Десять суток тебя физически нет в их жизни, а они вырваны из твоей». (Даша, фотограф, 23 года)

Иметь возможность следовать нормам своего вероисповедания

«Мусульманам положено совершать намаз пять раз в день. Молиться нужно, ориентируясь на солнце и стороны света. Компас у меня отобрали, узнать, сколько времени, нельзя.

Из-за тесноты в камере свободного места не было. И я молилась у параша. Право на религию — там всем на это плевать». (Оля, журналистка, 24 года)

Может показаться, что описанное в календаре «Изоляция» — это история о двенадцати непрехотливых мечтах. Однако, на мой взгляд, это не совсем так. Это история о вещах, которые становятся настолько неотъемлемой частью нашей жизни, что мы их перестаем замечать, и, только потеряв, остро ощущаем их истинную ценность для нас. Да, возможно, эти мечты незамысловаты, но они — фундаментальны. В их основе лежит отвращение и протест против де-гуманизирующих и де-феминизирующих практик со стороны

государства. Эти протесты, выраженные через мечты об «обычном», заставляют задуматься нас, как индивидов, и нас, как общество, о том, что значит жить достойно, жить «по-человечески». Помимо этого, за требованиями об уважительном отношении, замаскированными под заветные желания арестанток, просматривается мечта о достойном отношении и свободе от унижения для всех и далеко за пределами изолятора временного содержания.

Создательницы календаря заявляют, что современная Беларусь это тот же изолятор, в котором только и остается, что мечтать о свободной и достойной жизни. И разница состоит не только в размерах, но и в том, что срок заключения-изоляции не определен, и люди, находящиеся внутри, еще не поняли, что на самом деле живут не полной жизнью, а «изолированной».

Этот календарь не только заявляет о том, что женщины Беларуси участвуют в политических и социальных трансформациях в стране, он также указывает на то, что они — активные, смелые, творческие и небезразличные граждане. Он демонстрирует, что эти женщины готовы бросать вызов не только политическому режиму, но и устоявшимся представлениям о том, кто такие политические заключенные, как они переживают свое заключение и о чем можно говорить, когда речь заходит об их опыте. Они не боятся заявить, что есть вещи, личные по своей природе, и, возможно, «женские», но такие же значимые для понимания человеческого достоинства, прав человека и демократии. И поэтому важно, чтобы они были озвучены публично.